

Счастливым, он вернулся на виллу. Управляющая, увидев его, тоже замерла, потом взяла у Кан Яня вещи и сказала:

— Маленький господин Кан, почему вы сегодня вернулись?

— А дядюшка? — Кан Янь взглянул на часы: уже больше семи. Обычно, когда он дома, дядюшка в это время уже давно возвращался.

Управляющая ответила:

— Господин обычно возвращается в девять-десять вечера, кроме тех трёх дней в неделю, когда вы приезжаете.

Видя, как у Кан Яня медленно исчезает улыбка, спросила:

— Может, позвонить и сообщить господину?

Кан Янь подумал и сказал:

— Не нужно, как раз я подготавлиюсь. Тётя, не беспокойтесь обо мне, я сам со всем справлюсь.

Услышав, что дядюшка обычно задерживается на работе и возвращается вовремя только в те несколько дней, когда он приезжает, Кан Янь, сам не зная почему, почувствовал в душе кисло-горькую смесь радости и беспокойства о здоровье дядюшки.

Управляющая, взглянув на торт и на возбуждённого Кан Яня, догадалась, что сегодня, возможно, день рождения Дуань Цифэна. Она служила в семье Дуань несколько лет, никогда не видела, чтобы Дуань Цифэн отмечал день рождения, да и сам он не придавал этому значения, этот день ничем не отличался от обычного.

Кан Янь переоделся, бросил рюкзак и весело побежал на кухню. Сначала замесил тесто, чтобы подошло, потом вымыл руки и пошёл в художественную мастерскую, завернул картину, которую готовил почти год, и даже перевязал её шёлковой лентой бантиком.

Осталось только ждать, когда дядюшка вернётся домой.

Но это ожидание растянулось на несколько часов. К одиннадцати вечера Кан Янь, сидя в гостиной, незаметно для себя уснул.

Дуань Цифэн, вернувшись, увидел свет в главном доме. Ранее он говорил, что вечером готовить ему ужин не нужно, подумал, что управляющая оставила свет. Только войдя в гостиную, он увидел на диване ребёнка, которого тут быть не должно было. Тот, мутный от сна, потирал глаза, голос ещё нечёткий, с ноткой капризности.

— Дядюшка, как поздно ты вернулся.

Дуань Цифэн тоже захотелось потереть глаза.

— Яньянь?

Кан Янь прождал весь вечер, увидев, что дядюшка вернулся, взглянул на часы, поспешил к нему, помогая снять пиджак и взяв портфель, сказал:

— Дядюшка, у тебя сегодня день рождения, остался последний час, хорошо, что успел.

— Вернулся сегодня, чтобы отметить мой день рождения? — В душе Дуань Цифэна стало тепло и уютно, он погладил голову ребёнка — не зря растил.

Глаза Кан Яня превратились в полумесяцы, он кивнул, не в силах скрыть радость, выпалил залпом:

— Я купил торт, и подарок, и лапшу долголетия. Дядюшка, быстрее иди мойся и переодевайся, скоро будет сюрприз.

На лице ребёнка читалась просьба похвалить — мол, разве не сюрприз? Дуань Цифэн в душе растаял, голос стал мягким, он поддакивал желаниям ребёнка:

— Всё слушаю Яньня, дядя хочет посмотреть, какой подарок приготовил Яньнянь.

У Кан Яня от радости хвост бы поднялся трубой, но сейчас он знал, что нужно хранить тайну:

— Узнаешь позже.

Вся усталость Дуань Цифэна развеялась. Он поднялся наверх, помылся, переоделся, спускаясь вниз, шаги были лёгкими. На столе стоял торт, рядом, прислонённая, лежала завернутая в обёрточную бумагу картина — должно быть, его подарок. Ребёнок на кухне варил лапшу, услышав шаги, обернулся, глаза чёрные и блестящие, радостно сказал:

— Дядюшка, подожди меня, лапша скоро будет готова.

— Не спешу, дядя подождёт тебя.

Мирская суета.

На столе стояли две миски горячего супа с лапшой. Лапша, раскатанная вручную, была немного неровной по толщине, в прозрачном бульоне плавали овощи, лежало нежное, чуть прозрачное яйцо-пашот. Всё просто. Дуань Цифэн смотрел на лапшу перед собой, поднимающийся от неё пар затуманил его глаза.

В этот момент он по-настоящему ощутил себя в мире живых.

— Дядюшка, я лапшу раскатывал немного кое-как, — Кан Янь подумал, что внешний вид его блюда слишком прост, но вкус должен быть неплохим, и добавил:

— В следующий раз постараюсь лучше.

Дуань Цифэн погладил голову ребёнка, в душе было тепло, сказал:

— И так уже хорошо, поешь со мной.

Было уже половина двенадцатого. Две миски простой вегетарианской лапши, двое сидели за столом, говорили мало, но атмосфера была гармоничной и уютной.

Дуань Цифэн съел всю миску лапши вместе с бульоном и сказал:

— Вкусно.

— С днём рождения, дядюшка. — Кан Янь, видя, как дядюшка Дуань с удовольствием ест, тоже обрадовался.

Времени, принадлежащего этому дню, оставалось всего двадцать минут, но всё запланированное Кан Янь устроил. После горячей лапши наступило время десерта — торта. Каштановый торт источал лёгкий сладкий аромат. Свечи были зажжены. Кан Янь, немного смущаясь, всё же похлопал и допел песенку «С днём рождения». Дуань Цифэн смотрел на мягкий облик ребёнка, в глазах всё время сверкала улыбка.

— Дядюшка, загадывай желание, загадывай желание!

Дуань Цифэн начал:

— Я хочу...

— Дядюшка, если произнести желание вслух, оно не сбудется!

Дуань Цифэн изначально не верил в это — если бы загадывание желаний на день рождения действительно работало, в мире не нужно было бы людям что-то делать. Но он не стал портить настроение ребёнку, увидел, как в чёрных глазах ребёнка отражается он сам, свет свечей будто освещал россыпь звёзд, и необъяснимо возникло чувство искренности.

Если желание и правда может сбыться, он хочет, чтобы Яньянь в этом году был счастлив и здоров.

Свечи задули.

Каштановый торт был большой. Кан Янь изначально думал, что будут управляющая, Сяо Лю, Лао Кай — все вместе поздравят дядюшку. Не ожидал, что к вечеру останутся только двое, но сейчас тоже хорошо, торт оставим, завтра угостим их.

Торт был воздушный, почти без крема, простой, с ароматом каштана.

Дуань Цифэн с первого взгляда понял, что ребёнок учёл его вкусы, вопреки привычке не прикасаться к сладкому, на этот раз съел кусочек. Наконец, увидев, как ребёнок смотрит на часы, поднимает и подаёт ему картину маслом, ребёнок застенчиво и взволнованно сказал:

— Дядюшка, мой подарок.

— Что это? — нарочито с любопытством спросил Дуань Цифэн.

Кан Янь стало ещё неловче, застенчиво сказал:

— Картина, которую я сам нарисовал. У меня нет денег, могу подарить только это...

Дуань Цифэн уже развернул упаковочную бумагу.

Взяв в руки рамку, он замер, увидев содержание.

В лазурном море силуэт мужчины в профиль, контуры размыты, но видно, что он высокий и крепкий. Одна большая рука держит маленькую ручку, хозяйка которой — маленькая чёрная головка, лишь наполовину показавшаяся из воды, с парой чёрных глаз, в которых смешались отчаяние и надежда, смотрящих на мужчину.

Морские волны, кажется, несли опасность, но в них же была и какая-то тихая надежда.

Высокий мужчина спасает утопающую чёрную головку. Это он и Яньянь.

Кан Янь, сам не знаю почему, почувствовал неловкость, но в душе не было сожалений — его картина была отражением его внутреннего мира тогда. Дядюшка спас его, дал ему надежду на жизнь. Он стоял там, как школьник, и преданно сказал:

— Спасибо тебе, дядюшка.

По сравнению с помощью, которую дядюшка оказал ему, устная благодарность была слишком слабой, но Кан Янь хотел это выразить.

— В будущем я буду очень стараться.

Дуань Цифэн провёл рукой по картине, в углу золотыми буквами было написано «Искупление» — название картины. Он на мгновение замолчал. Возможно, раньше это действительно он спасал Яньня, но сегодняшнее воздействие ребёнка на его сердце, казалось, уже не было таким простым.

Казалось, это он помогает ребёнку, но только он сам знал, какую роль за это время сыграло присутствие ребёнка, какое влияние оно оказало на него.

— Дядюшка... — Кан Янь, видя, что дядюшка долго молчит, подумал, что плохо нарисовал, забеспокоился.

Эту картину он писал с самого возвращения из США, постоянно переделывал, но ему всё казалось, что не идеально, дважды начинал заново, и вот этот вариант был самым удовлетворительным.

Дуань Цифэн уловил беспокойство ребёнка, поднял на него взгляд, мягко улыбнулся, в голосе звучала неведомая ему самому нежность.

— Глупыш, дяде очень нравится.

Даже названный глупышом, Кан Янь был невероятно счастлив, торчащий на макушке вихорок тоже подпрыгнул от радости.

Пробило двенадцать, прошла полночь.

— Уже поздно, иди в комнату, ложись пораньше. — Дуань Цифэн погладил голову ребёнка, глядя в доверчивые и радостные глаза, не удержался, обнял ребёнка, поцеловал в макушку и сказал:

— Спокойной ночи, хороший мальчик.

Кан Янь застыл на месте, в одно мгновение кровь будто хлынула в голову, он ничего не соображал.

Наконец дядюшка отпустил его. Он шёл неестественно, ошалевший, даже не знал, что сказать, вроде кивнул, сказал «спокойной ночи, дядюшка», и как оказался в своей комнате — не помнил. Лёжа в кровати, Кан Янь закутался в одеяло, как кокон, тихо засмеялся пару раз, а когда высунулся подышать, всё лицо, включая уши, было алым.

Как же радостно, дядюшке понравился его подарок.

Но внутренний голос подсказывал ему, что радость, кажется, не только из-за того, что дядюшке понравился подарок, было ещё что-то. Но Кан Янь не мог понять что.

Долго ворочался, обдумывая, уже начал планировать, что подарить дядюшке в следующем году, обязательно нужно что-то удивительное. Так, в полудрёме, наконец уснул.

<http://bllate.org/book/15594/1390579>